ML420
.M3473
A3
1912
c.1

Медея Фигнеръ

UNIVERSITY OF N.C. AT CHAPEL HILL
00013561013

Шереверзев 1938 г.

MUSIC LIBRARY
UNC-CHAPEL HILL

ML420
.M3473
A3
1912

„Мои воспоминанія“

Moi vospominaniia

С.-ПЕТЕРБУРГЪ
1912

Товарищество
Р. Голике и А. Вильборгъ
С.-Петербургъ
Звенигородская №11.

Въ душистомъ чудномъ цвѣтникѣ Италіи, — Флоренціи—родилась я въ очень небогатой семьѣ, добывавшей личнымъ трудомъ средства къ содержанію немалаго количества членовъ ея, такъ какъ, кромѣ меня, семья состояла изъ двухъ моихъ братьевъ Франческо и Джузеппе и младшей сестры Деборы.

Такимъ образомъ, дѣтство мое въ матеріальномъ отношеніи протекало не безъ лишеній, но все мое маленькое существо было заполнено богатствомъ духовнымъ—любовью моей обожаемой красавицы-матери, съ ея дивными, всегда печальными глазами. Я безконечно ее любила и преждевременная смерть ея надолго въ душѣ моей оставила глубокую рану. Мнѣ тогда было всего 9 лѣтъ.

Какъ сейчасъ вижу ее, съ выраженіемъ испуга въ прекрасныхъ глазахъ, окропляющую меня святой водой отъ «дурного глаза,» когда кто-нибудь пристально смотрѣлъ на меня, или же когда сосѣдки увѣряли мать, что, развитая не по лѣтамъ, я долго не проживу. Суевѣрную мать мою слова кумушекъ приводили въ ужасъ. Чтобы спасти любимицу дочь отъ угрожающей ей опасности, мама бѣжала въ церковь ставить свѣчки святымъ!

Отецъ мой былъ слабохарактерный, вспыльчивый, но не злой человѣкъ; любимицей его была моя сестра Дебора. Впрочемъ, онъ былъ одинаково ровенъ со всѣми нами.

Съ семилѣтняго возраста я стала уже любить другія игры, чѣмъ дѣти моихъ лѣтъ, я брала передники, разныя тряпки, надѣвала все на себя и, становясь противъ зеркала, принимала всевозможныя позы, пѣла, декламировала и дѣлала жесты, къ великому ужасу мамы моей.

Передъ смертью мать просила дядю нашего Джузеппе, брата ея, жившаго у насъ, не оставлять насъ, дѣтей, и слѣдить за нашимъ воспитаніемъ.

Дядя былъ поэтъ-импровизаторъ и гитаристъ. Онъ обожалъ музыку, искусство, ему я обязана поддержкой въ моемъ артистическомъ поприщѣ.

Послѣ смерти мамы я была нѣкоторое время совершенно ко всему безучастна; мнѣ казалось, что жизнь безъ нея невозможна. Напрасно старались меня развлечь мой добрый дядя и моя двоюродная сестра (дочь покойной сестры мамы), взятая моей матерью на воспитаніе и бывшая въ это время замужемъ. Она жила надъ нами и заботилась о насъ съ сестрой, пока не уѣхала въ Римъ, гдѣ ея мужъ получилъ мѣсто.

Когда я немного оправилась отъ тяжелаго горя, то продолжала учиться въ школѣ: желаніемъ моего отца было сдѣлать изъ меня учительницу. Сестра моя тоже ходила въ школу, братья уже понемногу зарабатывали деньги.

Особенно дружна была я съ старшимъ братомъ Франческо; мы болѣе подходили другъ къ другу характерами и вкусами.

Солистка Его Величества Медея Фигнеръ
(снято въ декабрѣ 1911 г.).

Digitized by the Internet Archive
in 2026 with funding from
University of North Carolina at Chapel Hill

https://archive.org/details/moivospominania00mefi

Замѣчая мое постоянное стремленіе что-то изображать, причемъ я пѣла цѣлыми днями, какъ жаворонокъ, Франческо повелъ меня однажды въ театръ на заработанныя имъ деньги, желая меня побаловать. Мнѣ было тогда 12 лѣтъ.

Это было время разцвѣта славы Сальвини и я попала на его спектакль. Я видѣла всѣ лучшія его роли: «Отелло», «Morte civile», «Zaira», «Sansone», «Il Gladiatore«, «Oreste e Pilade», послѣднюю вещь я видѣла въ исполненіи Сальвини и Росси, причемъ они мѣнялись ролями, и спектакли эти оставили во мнѣ неизгладимое впечатлѣніе.

Затѣмъ, дома, мы съ братомъ изображали все видѣнное въ театрѣ и разъ я напугала младшую сестру до истерики, надѣвъ бѣлую простыню и вымазавъ лицо сажей.

Кромѣ Сальвини и Росси я видѣла Pezzana, Marini и еще многихъ знаменитыхъ трагиковъ; чѣмъ раздирательнѣе была драма, тѣмъ сильнѣе меня тянуло въ театръ.

Вскорѣ послѣ гастролей Сальвини,—во Флоренцію, въ театръ Pagliano, пріѣхала знаменитая тогда Vercolini (меццо-сопрано); съ нею шла опера Беллини «Капулетти и Монтекки» (сюжетъ «Ромео и Джульэтта»), гдѣ роль Ромео исполняетъ меццо-сопрано.

Мы съ братомъ отправились въ театръ и въ этотъ разъ я окончательно потеряла голову. Я бредила театромъ, музыкой, я цѣлыми днями по слуху пѣла отрывки слышанной оперы, — за тенора, за баса, за сопрано. Мнѣ казалось, что лучше пѣнія ничего нѣтъ на свѣтѣ и что я должна быть непремѣнно пѣвицей.

Иногда на улицѣ собиралась толпа послушать мое пѣніе; посылали узнать, кто поетъ и не хотѣли вѣрить, что пѣвица — дѣвочка-подростокъ; меня же это не только не смущало, но, напротивъ, заставляло еще смѣлѣе, еще громче пѣть.

Мое увлеченіе было горемъ для моего отца: онъ былъ ревностный католикъ, почти фанатикъ религіи, а потому съ ужасомъ видѣлъ, какъ во мнѣ развивалась страсть къ театру, страсть, которую онъ считалъ позорной, а карьеру артистки—недостойной для дѣвушки. Онъ всячески старался эту страсть искоренить, но я имѣла всегда поддержку и защиту въ лицѣ моего дорогого дяди.

Тѣмъ временемъ моего брата Франческо услышалъ знаменитый баритонъ Стеллеръ; голосъ Франческо настолько ему понравился (у брата былъ лирическій баритонъ), что онъ взялся учить его даромъ и уже по прошествіи двухъ лѣтъ братъ уѣхалъ дебютировать въ Неаполь въ «Севильскомъ цирульникѣ».

Когда мой братъ сталъ заниматься пѣніемъ, мое желаніе брать также уроки было такъ велико, что я бродила цѣлыми днями, какъ тѣнь, плакала, ничѣмъ не хотѣла заняться и кончилось тѣмъ, что мой дядя сжалился надо мною и, слыша со всѣхъ сторонъ лестные отзывы о моемъ голосѣ, повелъ меня въ консерваторію.

Надо прибавить, что въ консерваторіи во Флоренціи есть не мало безплатныхъ учениковъ и ученицъ, учащихся на счетъ правительства; такими являются лица, имѣющія голосъ и талантъ и на такую безплатную степендію разсчитывалъ для меня мой дядя. Голосъ мой очень понравился, но чтеніе нотъ à livre

Медея Фигнеръ съ дѣтьми.

ouvert для меня равнялось египетскимъ іероглифамъ, такъ какъ я всегда все пѣла наизусть и понятія о нотахъ никакого не имѣла, въ чемъ откровенно и призналась экзаменаторамъ.

И вотъ, къ моему неописуемому горю, я не была принята!

Не помню, какъ я вернулась домой; знаю лишь, что дядя такъ испугался, видя мое отчаяніе, что рѣшилъ изъ послѣднихъ своихъ средствъ взять мнѣ учителя музыки, съ которымъ я и принялась заниматься такъ усиленно элементарной теоріей и чтеніемъ нотъ, что менѣе чѣмъ черезъ годъ блестяще выдержала экзаменъ въ той же консерваторіи и была принята въ число безплатныхъ учениць профессора Біанки.

Такимъ образомъ въ 14 лѣтъ я, какъ «soprano leggiero», начала свои занятія въ консерваторіи.

Отсутствіе піанино и косые взгляды отца, относившагося предубѣжденно къ моимъ музыкальнымъ занятіямъ, заставляли меня уходить изъ дому готовить уроки къ подругѣ моей и соученицѣ Callery, имѣющей теперь репутацію одного изъ лучшихъ миланскихъ профессоровъ-женщинъ; въ настоящее время она жена Viviani, издателя извѣстной миланской музыкальной газеты «Rivista melodrammatica».

Спустя полгода послѣ моего поступленія въ консерваторію я настолько переутомилась моими занятіями, что часто мнѣ дѣлалось дурно и дядя мой вынужденъ былъ взять меня домой на поправку.

Мое отчаяніе не имѣло границъ, я боялась потерять свое мѣсто безплатной ученицы, но президентъ консерваторіи успокоилъ меня, сказавъ, что мое мѣсто

за мной и останется, что времени для меня впереди много, что мнѣ надо поправиться, окрѣпнуть, но я должна была и обѣщать не пѣть дома вовсе до моего возвращенія въ консерваторію.

Моя болѣзнь, запрещеніе пѣть, все это сильно на меня повліяло и я долго не могла поправиться; хорошо еще, что случилось все это незадолго до лѣта и что у меня было много времени, чтобы подумать о здоровьи.

Въ классѣ моего профессора мои соученицы встрѣтили меня съ восторгомъ. Всѣ мои подруги были гораздо старше меня и меня очень любили и баловали, такъ какъ характера я была всегда живого, веселаго и отлично ладила со всѣми.

Каково же было мое отчаяніе, когда я, начавъ пѣть, не могла брать верхнихъ нотъ, тогда какъ ранѣе онѣ-то и были самыми красивыми нотами въ моемъ голосѣ. Теперь же я была поражена появившимися у меня густыми низкими нотами.

Профессоръ мой былъ, наоборотъ, отъ этого въ восторгѣ и заявилъ мнѣ, что я должна радоваться, разъ у меня образовывается контральто, такъ какъ хорошихъ контральтовыхъ голосовъ совсѣмъ тогда не было. Онъ сказалъ, что еслибъ я осталась soprano leggiero, я не могла бы сдѣлать карьеры, тогда какъ теперь онъ предсказывалъ мнѣ хорошую будущность. Я такъ заинтересовала его, что онъ началъ давать мнѣ уроки безплатно у меня на дому, кромѣ уроковъ консерваторіи, для чего и пришлось, волей-неволей, взять на прокатъ піанино, какъ это не было тяжело моему великодушному дядѣ; плохенькое піанино стоило въ мѣсяцъ все же 7 франковъ.

М. И. Фигнеръ въ роли «Татьяны».
(Опера «Евгеній Онѣгинъ» П. И. Чайковскаго).

Какъ я его обожала! Нѣсколько разъ въ день я вытирала его, любовалась имъ, отходя на нѣсколько шаговъ, и какъ мнѣ тогда хорошо мечталось, какъ хотѣлось сдѣлаться блестящей пѣвицей!..

Повидимому, отецъ въ душѣ примирился съ моими музыкальными занятіями и съ моими мечтами объ артистической карьерѣ, слыша отовсюду похвалы моему голосу, хотя не показывалъ и вида, что съ этимъ согласенъ.

Я не удовольствовалась мнѣніемъ профессора Біанки и отправилась съ дядей къ жившей тогда во Флоренціи извѣстной, хотя уже сошедшей со сцены, Тибирини. Выслушавъ мой голосъ и мое пѣніе, она обняла меня и сказала, что въ моемъ горлѣ капиталъ. Слова эти придали мнѣ бодрости, я еще ревностнѣе стала заниматься.

Первая опера, которую я разучивала тогда съ Біанки, была та опера, которую я впервые въ моей жизни услыхала, и которая сдѣлала на меня такое сильное впечатлѣніе—«Капулетти и Монтекки».

По субботамъ у насъ въ консерваторіи устраивались музыкальныя утра для провѣрки успѣховъ учениковъ и ученицъ. На одномъ изъ такихъ испытаній меня услыхалъ знаменитый въ то время профессоръ пѣнія Пановка, извѣстный и въ Россіи, какъ составитель знаменитыхъ экзерсисовъ и школы пѣнія. Мое исполненіе и голосъ такъ ему понравились, что онъ предложилъ моему дядѣ привести меня къ нему.

Такое участіе ко мнѣ Пановки совершенно покорило моего отца и окончательно убѣдило его въ возможности для меня большой оперной карьеры.

Никогда радость не приходитъ безъ горя и нашу бѣдную семью постигло несчастье: мой любимый братъ Франческо дебютировалъ въ Неаполѣ во время сильнѣйшей эпидеміи тифа. Онъ имѣлъ громадный успѣхъ; кто знаетъ, его, быть можетъ, ожидала блестящая будущность, но онъ заразился тифомъ, былъ при смерти, а когда поправился, то не только лишился возможности пѣть, но даже не былъ въ состояніи говорить полнымъ голосомъ. Только лѣтъ черезъ шесть вернулся къ нему голосъ, но лишь для разговорной рѣчи; для пѣнія же онъ былъ утраченъ навсегда.

Горе моего несчастнаго брата и семьи нашей не имѣло границъ, и я тутъ же дала себѣ слово во что бы то ни стало сдѣлать себѣ имя и добыть средства, чтобы дать моимъ дорогимъ роднымъ безбѣдную жизнь и возможный комфортъ.

Но я отклонилась нѣсколько въ сторону.

Дядя мой повелъ меня къ Пановкѣ. Старикъ принялъ меня очень привѣтливо и, ободривъ меня, заставилъ спѣть нѣсколько вещицъ. Какъ разъ въ это время въ одномъ изъ большихъ концертовъ ставили «Мессу» Верди. Пановка предложилъ мнѣ принять участіе въ исполненіи этой «Мессы», и въ отвѣтъ на мое заявленіе, что я ее не знаю, обѣщалъ со мной пройти мою партію.

Такимъ образомъ, первое мое выступленіе передъ публикой произошло во Флоренціи въ упомянутомъ концертѣ.

Громадное впечатлѣніе на меня, помню, произвело напечатанное на афишѣ мое имя; я нѣсколько разъ въ день выходила на улицу, чтобы пройти мимо расклеенныхъ афишъ, останавливалась и еще и еще разъ

М. И. Фигнеръ въ роли «Карменъ».
(Опера «Карменъ» Бизе)
1-й актъ.

впивалась глазами въ эти нѣсколько буквъ моего имени. Выступать въ концертѣ передъ публикой я какъ-то не особенно боялась, я считала, что важно только то, что связано со сценической игрой и изображеніемъ и чувство это осталось во мнѣ и до сихъ поръ.

Мнѣ хочется сказать нѣсколько словъ о старомъ симпатичномъ профессорѣ Пановкѣ, большомъ оригиналѣ и добромъ человѣкѣ: квартира его была верхомъ нарядной педантичной чистоты. Въ то время только-что начали носить черные чулки; я ходила еще въ короткихъ платьяхъ и на первый урокъ къ Пановкѣ пришла въ туфляхъ съ черными чулками. Никогда не забуду его ярости,—онъ кричалъ на меня за «неопрятность» (такъ называлъ онъ черные чулки) и объявилъ, что, если я хочу съ нимъ заниматься, то должна являться на уроки въ бѣлыхъ чулкахъ. Самъ онъ всегда носилъ мягкіе черные туфли съ пряжками и бѣлые чулки.

Пунктуаленъ онъ тоже былъ до мелочности: я должна была брать у него уроки въ три часа; если я приходила на пять минутъ ранѣе, онъ отсылалъ меня ждать на лѣстницу, если я запаздывала на три минуты, онъ вовсе не давалъ мнѣ урока. Я такъ его боялась, что не спала ночей передъ уроками и за 10—15 минутъ до трехъ уже стояла у его двери, готовая позвонить съ первымъ ударомъ часовъ на башнѣ „Palazzo vecchio„.

Во мнѣ была очень развита способность подражанія, я безъ труда перенимала слышанное и, несмотря на мой восторгъ отъ уроковъ Пановки, я хотѣла позаняться съ женщиной пѣвицей и отправилась къ

окончившей тогда карьеру Карлоттѣ-Кароцци-Цукки, которая тоже согласилась безплатно со мной заниматься, такъ что одновременно я имѣла трехъ учителей: моего старенькаго профессора Біанки, Пановку и Карлотту-Цукки.

Цукки часто навѣщали ея старые друзья пѣвцы и антрепренеры, съ которыми она сохранила наилучшія отношенія. Одному изъ антрепренеровъ, Тинти, она меня расхвалила и предложила послушать.

Онъ былъ въ восторгѣ отъ моего голоса и тотчасъ же меня ангажировалъ на ярмарочный сезонъ въ мѣстечко «Синалунга», близъ Флоренціи.

Тогда я оставила консерваторію и уѣхала въ сопровожденіи одной почтенной женщины дебютировать въ Синалунгу, такъ какъ отецъ и дядя не желали отпускать меня, молоденькую дѣвочку, въ чужой городъ одну, мнѣ тогда минуло 16 лѣтъ.

До тѣхъ поръ я никогда и никуда не выѣзжала изъ Флоренціи, а потому для меня поѣздка даже въ Синалунгу казалась великимъ путешествіемъ; скажу больше, я колебалась подписывать контрактъ, какой-то безотчетный страхъ охватывалъ меня при мысли покинуть родной городъ, свой домъ, свою крошечную комнатку и, когда, наконецъ, контрактъ былъ подписанъ, я, какъ потерянная, мысленно прощалась съ моей дорогой Флоренціей. Хорошо еще, что сопровождавшая меня женщина была очень симпатична и съ нею я не чувствовала себя такой одинокой.

Большое впечатлѣніе произвела на меня первая репетиція съ оркестромъ: передъ нею я почти не спала всю ночь, я не боялась моихъ товарищей по сценѣ, но лишь оркестра, такъ какъ онъ въ Италіи

М. И. Фигнеръ въ роли «Карменъ».
(Опера «Карменъ» Бизе)
1-й и 2-й актъ.

даетъ всегда первый аттестатъ артисткѣ своимъ одобреніемъ или же гробовымъ молчаніемъ.

Капельмейстеромъ оперы, въ которой я должна была пѣть, былъ отецъ извѣстной Алисы Барби.

За нѣсколько дней до моего перваго выхода я начала пробовать гримироваться дома, чтобы изъ своего лица сдѣлать лицо старухи. Этотъ гримъ придалъ мнѣ храбрости, такъ какъ, являясь пожилой, я была не сама собою; кромѣ того партія Азучены въ «Трубадурѣ», пройденная съ Пановкой, была у меня закончена и въ вокальномъ и въ сценическомъ отношеніяхъ и за нее я была спокойна.

Единственно, чего я опасалась,—это, что вечеромъ я не буду имѣть голоса, такъ я привыкла и на своихъ урокахъ и на музыкальныхъ испытаніяхъ пѣть при дневномъ свѣтѣ.

Рампа сначала ослѣпила меня, но я скоро съ собой справилась и вошла въ свою роль.

При исполненіи извѣстнаго разсказа Азучены публика мнѣ не дала кончить, раздались оглушительные апплодисменты и изъ ложъ на сцену полетѣли голуби (итальянскій обычай привѣтствовать молодыхъ, завоевавшихъ симпатіи, артистовъ). Описать словами мое чувство при этомъ я не берусь—его высказать невозможно...

Успѣхъ мой у публики Синалунги росъ съ каждымъ новымъ спектаклемъ и, когда былъ назначенъ мой бенефисъ, дядя Алисы Барби—Ciro Pinsuti, меломанъ-композиторъ, написалъ спеціально для меня романсъ «La fioraia» и настоялъ на томъ, чтобы я вышла къ публикѣ, одѣтая цвѣточницей, дабы театръ

видѣлъ,—какая я въ дѣйствительности, такъ какъ публика видала меня все время въ роли старухъ.

Вотъ почему на моемъ бенефисѣ послѣ «Трубадура» и послѣ аріи изъ «Фаворитки» я вышла въ короткомъ платьѣ съ двумя длинными косами, то-есть той дѣвочкой, которой была въ жизни.

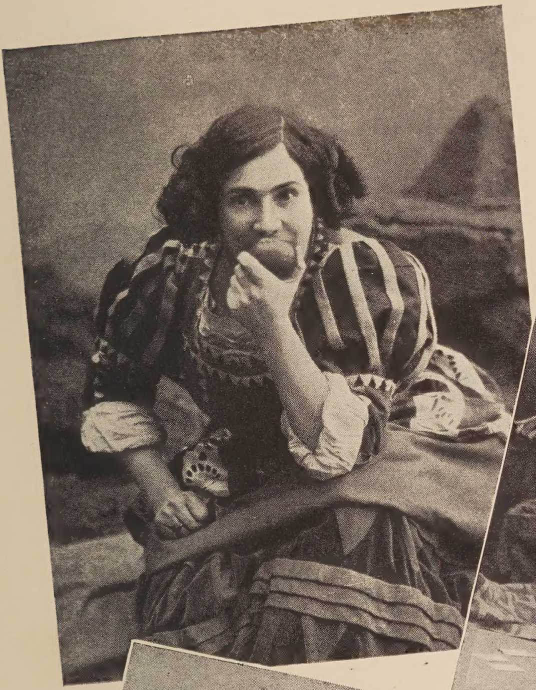
Начало моей сценической карьеры было для меня въ высшей степени удачно въ художественномъ отношеніи, тогда какъ въ матеріальномъ я получила за первый свой сезонъ всего лишь пятьсотъ франковъ въ полтора мѣсяца.

Такъ какъ Синалунга была такъ близко отъ Флоренціи, то туда пріѣзжали многіе импрессаріо и я сразу получила нѣсколько предложеній и, конечно, выбрала театръ «Pagliano» въ своемъ родномъ городѣ—театръ, имѣвшій для меня такое значеніе: тамъ я первый разъ слушала оперу!

Имѣть успѣхъ въ этомъ громадномъ театрѣ было для меня особенно важно: сверху донизу наполнившая театръ шикарная публика города являлась рѣшительницей моей артистической судьбы, она могла мнѣ сдѣлать большой успѣхъ, или же провалить меня.

Успѣхъ моего дебюта былъ безусловный и я сразу же получила ангажементъ въ той же Флоренціи, въ театрѣ «Pergola», гдѣ первый разъ пѣла партію королевы въ «Гамлетѣ» Тома со знаменитѣйшимъ баритономъ Морель и сопрано Донадіо.

Собственно говоря, послѣ театра «Pagliano» я должна была ѣхать пѣть въ Падую, но незадолго до отъѣзда, для того, чтобы имѣть право исполнять оперы издателя Риккорди, я просила меня прослушать



М. И. Фигнеръ въ роли «Карменъ».
(Опера «Карменъ» Бизе).
3-й актъ.

извѣстнаго капельмейстера Марино Манчинелли, дирижировавшаго въ «Pergola».

Выслушавъ меня, онъ пришелъ въ восторгъ, что нашелъ голосъ для исполненія партіи королевы въ «Гамлетѣ», который тогда тщетно искали, сказалъ обо мнѣ своему другу Морелю и я получила ангажементъ въ «Pergola», прошла мою партію въ четыре дня и выступила во второмъ театрѣ во Флоренціи, не поѣхавъ въ Падую.

Въ театрѣ «Pergola» я себя чувствовала уже иначе, чѣмъ въ Синалунгѣ. Здѣсь я была окружена такими знаменитостями, имена которыхъ сохранятся въ исторіи оперы, здѣсь я болѣе волновалась, болѣе боялась, такъ какъ партія королевы была слишкомъ отвѣтственной при такомъ блестящемъ ансамблѣ.

Морель помогалъ мнѣ много: восхищаясь моимъ голосомъ, онъ давалъ мнѣ важныя указанія и я имѣла въ «Гамлетѣ» блестящій успѣхъ.

«Не забывайте, говорилъ мнѣ Морель, что, изображая королеву, надо имѣть наружность, манеры, походку, руки королевы»! И я старательно передъ зеркаломъ занималась собою, своими руками, чтобы быть достойной званія королевы.

Вообще, и Морель и его жена всегда были очень добры ко мнѣ; самъ онъ помогалъ мнѣ гримироваться, и интересно отмѣтить то,—что ни разу онъ не сдѣлалъ меня старой.

Морель же былъ первымъ, который предсказалъ мнѣ, что черезъ нѣсколько лѣтъ у меня будетъ драматическое сопрано. Дѣйствительно, мой голосъ сталъ дѣлаться все выше и выше, я могла браться уже за высокія меццо—сопрановыя партіи.

Въ театрѣ «Pagliano» я получала по пятьдесятъ франковъ за выходъ и пѣла по четыре раза въ недѣлю; въ театрѣ «Pergola» я получала уже сто франковъ за спектакль и пѣла раза по три еженедѣльно. Все это, какъ въ Синалунгѣ, такъ и во Флоренціи, были экстраординарные спектакли, продолжавшіеся по двѣ—три недѣли; но тѣмъ не менѣе я считала себя очень богатой и прямо не знала, что дѣлать съ такой массой денегъ.

Послѣ спектаклей въ театрѣ «Pergola», я первый разъ уѣхала далѣе отъ родного города, а именно въ teatro Regio въ Туринѣ, гдѣ уже пѣла «Мелузину», «Карменъ» и «Гамлетъ».

Послѣ Турина я пѣла въ Ниццѣ во время карнавала, имѣла громадный успѣхъ въ «Сафо» Пачини и заняла уже прочное положеніе въ рядахъ первоклассныхъ артистовъ.

Я пѣла во всѣхъ главныхъ городахъ Италіи, больше всего въ Моденѣ и Генуѣ, и менѣе чѣмъ черезъ два года послѣ моего дебюта въ Синалунгѣ, не имѣя за все это время даже нѣсколькихъ дней отдыха, я уже получила ангажементъ въ театрѣ «Liceo» въ Барцелону, въ Испанію.

Поѣздки меня болѣе не страшили; мнѣ представлялась возможность получить ангажементъ въ Россію, именно въ Варшаву, но по нѣкоторымъ соображеніямъ я должна была отъ него отказаться и выбрать Барцелону.

Отсюда уже начинается моя иностранная карьера.

Испанія произвела на меня глубокое впечатлѣніе: дивное синее небо Барцелоны, лазурное море, вся своеобразная дикость страны оставила во мнѣ неиз-

П. И. Чайковскій, Медея Фигнеръ, Н. Д. Кашкинъ и Н. Н. Фигнеръ.
Группа, снятая въ 1890 году въ имѣніи
Медеи Фигнеръ «Лобынское», Тульской губерніи.

гладимыя воспоминанія. А сколько въ ней поэзіи и обычаевъ! Мнѣ доставляло удовольствіе просыпаться ночью и слышать крикъ ночного сторожа (sereno), извѣщающаго, который часъ и какая погода.

Привела меня въ восторгъ и главная улица Барцелоны «la rambla», съ ея аллеями, съ ея продавщицами цвѣтовъ на каждомъ шагу и ихъ кавалерами-гитаристами. Бывала я въ Барцелонѣ вездѣ, осматривая ее; особенно меня заинтересовали испанскія пѣвицы и танцовщицы въ тавернахъ.

Мнѣ очень нравились испанскія женщины: онѣ всѣ невысокаго роста, довольно полныя, съ крошечными ножками и всѣ, даже самыя бѣдныя, съ цвѣтами на головахъ. До нѣкоторой степени я сама подходила къ ихъ типу, меня не разъ считали испанкой, что, впрочемъ, не мѣшало испанцамъ, когда я шла по улицѣ, бросать передо мной плащи и говорить мнѣ: «Благословенна мать твоя, тебя создавшая»; какъ я конфузилась тогда!

Успѣхами моими я всецѣло обязана моему голосу и тому ансамблю, въ которомъ выступала.

Понравиться испанской публикѣ очень трудно, особенно, если поешь вечеромъ того дня, когда бываютъ утренніе бои быковъ. Толпа, пресыщенная кровавымъ зрѣлищемъ, требуетъ новыхъ жгучихъ ощущеній и, сохрани Богъ ей прійтись не по душѣ, не дадутъ кончить оперу.

Передъ моимъ первымъ выходомъ я пошла въ театръ слушать «Лоэнгрина». Это было послѣ одной изъ самыхъ выдающихся corridas (бой быковъ). Пѣлъ недурной теноръ, но почему-то его не любила публика; въ первой сценѣ прощанія съ лебедемъ у него съ

головы упалъ шлемъ; поднявъ его, бѣдный, сконфуженный пѣвецъ надѣлъ его на голову задомъ напередъ, чѣмъ возбудилъ гомерическій хохотъ публики и спектакль былъ проваленъ.

Послѣ этого случая съ теноромъ у меня явилось непреодолимое желаніе бѣжать, но наступилъ вечеръ перваго выхода и... все дурное впечатлѣніе исчезло, такъ восторженно и съ такимъ энтузіазмомъ отнеслась ко мнѣ строгая Барцелонская публика.

Во время моихъ гастролей въ Барцелонѣ, въ Мадридѣ, въ «Трубадурѣ» выступала меццо-сопрано Требелли. Успѣха она не имѣла, а обо мнѣ, въ партіи Азучены, такъ много говорили испанскія газеты, что я для «Трубадура» была приглашена въ Мадридъ и проѣхала туда, не заѣзжая домой.

Встрѣченная на вокзалѣ антрепренеромъ, я должна была, по его совѣту, остановиться у Катальди, домъ, гдѣ жили всѣ знаменитости.

Въ то время въ Мадридѣ находились Мазини, Пандольфини (знаменитый баритонъ), Лери (французъ баритонъ, впослѣдствіи преподаватель Парижской консерваторіи) и Донадіо, съ которой я уже пѣла во многихъ городахъ и которая очень симпатично ко мнѣ относилась.

Послѣ моего успѣха въ «Трубадурѣ», Мазини, желавшій выступить въ своей любимой партіи Фернандо въ «Фавориткѣ», указалъ антрепризѣ на меня и ввиду этого со мной продолжили ангажементъ до конца сезона. «Фаворитку» я спѣла въ этомъ сезонѣ двадцать шесть разъ.

Трудно описать мое волненіе при выходѣ съ такими знаменитостями, какъ Мазини и Пандольфини—

М. И. Фигнеръ въ роли «Іоланты».
(Опера «Іоланта» П. И. Чайковскаго).

М. И. Фигнеръ въ роли «Лизы».
(Опера «Пиковая Дама» П. И. Чайковскаго).

любимцами испанской публики, но успѣхъ мой шелъ crescendo и публика принимала меня наравнѣ съ ними.

Съ этихъ поръ я начинаю считаться одной изъ выдающихся пѣвицъ Италіи.

«Фаворитка» сдѣлалась оперой сезона, я въ ней пѣла съ двумя исполнителями партіи короля Альфонса, такъ какъ послѣ Пандольфини пріѣхалъ въ Мадридъ для этой партіи Баттистини, имѣвшій въ ней блестящій успѣхъ.

Не могу не отмѣтить блестящіе спектакли оперы «Гамлетъ» съ баритономъ Лери и съ Зембрихъ, въ роли Офеліи.

Вслѣдствіе моего успѣха въ Мадридѣ, меня пригласилъ извѣстный тогда антрепренеръ Стракошъ, устраивавшій большое оперное турнэ по Испаніи. Со мной были Донадіо и Лери.

Мы объѣхали Гренаду, Севилью, Кадиксъ, Аликанте, Кордову и я была въ восторгѣ отъ этого путешествія.

Какая разница между всѣми этими городами!

Возьмемъ, напримѣръ, Кордову: невысокіе дома, снаружи бѣдные, безъ оконъ, безъ балконовъ,—войдешь внутрь—тамъ богатый дворъ, на который выходятъ окна и двери жилыхъ помѣщеній, журчитъ фонтанъ,—внутри вся жизнь, ревниво скрытая отъ любопытныхъ глазъ прохожаго.

Я помню, мнѣ казалось, что немыслимо, чтобы вечеромъ театръ могъ быть полонъ, я видала лишь полупустыя улицы, масса нищихъ и буквально ни одной женщины, а вечеромъ... яблоку некуда было упасть въ театрѣ.

Севилья—другое дѣло: тамъ дома красивые, съ балконами, сквозь рѣшетки широкой входной двери видны внутренніе дворы (patios), полные роскоши и цвѣтовъ. Patios украшаютъ всѣмъ, что есть богатаго и красиваго дома.

Хотя и здѣсь жизнь на улицахъ, главнымъ образомъ, начинается ночью, но она носитъ другой характеръ, чѣмъ въ Кордовѣ; открываются окна, освѣщаются балконы, выходятъ красивыя севильянки и разговариваютъ со своими кавалерами, слышны звуки гитаръ, мандолинъ и все это при чудной южной ночи, полной благоуханій и таинственной прелести.

А какъ своеобразенъ Кадиксъ, съ его бѣлыми, точно сахарными, домиками.

Самое большое впечатлѣніе на меня произвела Гренада: это — чудный городъ, полный поэзіи! Самое интересное въ немъ, конечно, Альгамбра—арабскій дворецъ, который представляетъ собою чудо архитектурнаго искусства; особенно хороша зала посланниковъ съ ея чудесными скульптурными украшеніями и плафономъ, покрытымъ художественной рѣзьбой. Во дворцѣ безчисленное количество залъ и изъ одной изъ верхнихъ можно любоваться городомъ... гдѣ-то вдали на одномъ изъ самыхъ высокихъ холмовъ Гренады находится кварталъ цыганъ: просверленныя въ горахъ отверстія напоминаютъ собою кротовыя норы, и тамъ ютится это кочевое племя; издали видны какія-то пестрыя лохмотья, группы людей. Чудно и дико!..

Моими операми были «Гамлетъ», «Фаворитка» и «Карменъ». Послѣдняя была моей любимой оперой; живя между испанокъ, окруженная ими, я и тогда

М. И. Фигнеръ въ роли «Маши».
(Опера «Дубровскій» Э. Ф. Направника).

М. И. Фигнеръ въ роли «Франчески».
(Опера «Франческа да Римини» Э. Ф. Направника).

давала вѣрный типъ цыганки-сигарочницы, лишенный вульгарности. Я видала сигарочницъ, бывала на папиросной фабрикѣ, для «Карменъ» я не только побывала въ тавернахъ, но нѣсколько разъ ѣздила и въ горы къ цыганамъ-контрабандистамъ; часто присутствовала я на боѣ быковъ,—вообще, за короткое время я стала болѣе испанка, чѣмъ итальянка; отлично говорила по-испански, исполняла испанскія народныя пѣсни, причемъ имѣла не малый успѣхъ и, уѣзжая изъ какого-либо города, имѣла самое пылкое желаніе еще хотя разъ побывать въ немъ.

Турнэ наше закончилось Миланомъ, гдѣ я еще не была ни разу до тѣхъ поръ. Здѣсь я познакомилась съ итальянскими рецензентами и имѣла аудіенцію у Guilio Riccordi, бывшую для меня большимъ тріумфомъ. На этой аудіенціи, кромѣ самого Riccordi, присутствовала пресса и многіе, составляющіе какъ бы дирекцію дома Риккорди; я пѣла отрывки изъ оперъ ихъ изданія и въ заключеніе Риккорди сказалъ: «эта дѣвочка пойдетъ далеко»!

Во время миланскаго сезона я получила два ангажемента, на ярмарочный сезонъ въ театръ St. Giovanni in Persiceto и въ театръ Comunale въ Болонью. Въ St. Giovanni in Persiceto для «Фаворитки», которую я пѣла съ русскимъ теноромъ Фигнеромъ, а въ Болонью для «Гамлета» со знаменитымъ Лери.

Начало 1884 года я пѣла въ театрѣ «National» въ Бухарестѣ въ операхъ «Аида», «Трубадуръ», «Марта», «Лукреціа Борджіа», «Карменъ» и «Фаворитка» и еще разъ «Фаворитку» въ Болоньѣ.

Мнѣ было еще легче исполнять болѣе высокія партіи; въ Бухарестѣ, напримѣръ, я имѣла громадный

успѣхъ въ «Аидѣ», а «Карменъ» и «Фаворитка» стали моими боевыми ролями.

Лѣто того же года я первый разъ пѣла въ Южной Америкѣ, въ Буэносъ-Айресѣ и въ Монтевидео. Я ѣхала съ антрепризой Феррари, со мной были драматическое сопрано Елена Теодорини (теперь профессоръ въ Парижѣ), драматическій теноръ Таманьо, лирическій теноръ Фигнеръ, басъ Тамбурлини и многіе другіе. Я была ангажирована для «Фаворитки», «Джіоконды», «Трубадура» и «Марты», а наибольшій успѣхъ имѣла въ «Аидѣ», которую пѣла съ Таманьо и въ «Фавориткѣ» съ Фигнеромъ.

Для моей поѣздки въ Америку я сдѣлала себѣ нѣсколько полудлинныхъ туалетовъ, такъ какъ была еще черезчуръ молода, а одно концертное платье длинное у дорогой портнихи. Это платье попало два раза во всѣ газеты Буэносъ-Айреса; первый разъ, когда описывались туалеты послѣ большого концерта, гдѣ я участвовала, а вторично, послѣ несчастнаго съ этимъ платьемъ случая: вернувшись изъ концерта, я разложила мое первое длинное дорогое платье на диванъ, а когда на другое утро хотѣла его спрятать, то нашла его совершенно испорченнымъ, такъ какъ ночью на немъ окотилась хозяйская кошка. Мое горе было очень велико. Я явилась на репетицію со вспухшими глазами и разсказала о моемъ несчастьи товарищамъ, вотъ почему моя печальная исторія попала въ газеты и возбудила въ прессѣ большое ко мнѣ сочувствіе.

Моя семья оставалась все время во Флоренціи и я была счастлива, что, ставъ окончательно на ноги и завоевавъ себѣ прочное положеніе на сценѣ, могла дать моему отцу комфортъ и довольство.

М. И. Фигнеръ въ роли «Валентины».
(Опера «Гугеноты» Мейербера).
3-й актъ.

Недолго только бѣдный отецъ пользовался этимъ комфортомъ. Возвращаясь изъ Америки, 22-го октября я на пароходѣ чувствовала себя ужасно нервной, плакала безъ причины и цѣлый день испытывала странную тяжесть на душѣ отъ какого-то предчувствія. Пріѣхавъ въ Генную, я послала телеграмму брату, прося новостей и получила въ Миланѣ извѣстіе, что отецъ при смерти. На мою вторую телеграмму я получила отвѣтъ, что уже 22-го октября отецъ мой скончался.

Мое путешествіе въ Америку произвело на меня сильное впечатлѣніе уже потому, что я впервые вступала на пароходъ. Затѣмъ самое путешествіе было не изъ удачныхъ, такъ какъ мы дня 4—5 были совершенно потеряны въ морѣ, машина еле-еле работала, и въ порту, куда мы должны были зайти, думали, что пароходъ со всей оперной труппой погибъ.

Буря была такъ сильна, что капитанъ парохода не запомнилъ подобной. Особенно была ужасна одна ночь: ураганъ ревѣлъ, вода перебрасывалась черезъ палубу, сверкали молніи и вдругъ раздался такой оглушительный ударъ, что всѣ были увѣрены, что пароходъ идетъ ко дну. Во время этого удара едва не погибъ нашъ антрепренеръ. Какъ человѣкъ страдающій астмой онъ помѣщался въ каютѣ на верхней палубѣ. Не знаю, снесло ли ураганомъ часть его каюты, или случайно открылась дверь его помѣщенія, только все платье его было унесено въ море, а самъ онъ, лежа въ водѣ, громко стоналъ. Единственный изъ пассажировъ, какъ бывшій морякъ, не страдалъ Фигнеръ; онъ послѣ этого страшнаго удара поднялся наверхъ и помогъ несчастному Феррари.

Когда буря улеглась и вся труппа выползла изъ своихъ каютъ, трудно было узнать другъ-друга, до

такой степени всѣ были изнурены и измучены морской болѣзнью.

Пока пароходъ нашъ блуждалъ въ морѣ, на немъ происходили раздирающія душу сцены: женщины рыдали, молились Богу, рвали на себѣ волосы, даже такой колоссъ, какъ Таманьо, плакалъ какъ ребенокъ и готовился къ смерти. Суевѣрный до крайности онъ приписывалъ наше неудачное путешествіе тому, что двѣ сестры артистки везли съ собой кошку; дѣйствительно во время бури мяуканье этой кошки производило на всѣхъ удручающее впечатлѣніе.

Но не все время была такая погода; изъ 26—27 дней, что мы провели въ морѣ, были и чудные, ясные дни и тогда устраивались репетиціи, концерты, танцовальные вечера. Насъ ѣхало двѣ компаніи; одна осталась въ Ріо-Жанейро—и многіе изъ нея не вернулись на родину, унесенные царившей тогда въ Ріо-Жанейро желтой лихорадкой,—наша же компанія проѣхала прямо въ Буэносъ-Айресъ.

Я была въ такомъ ужасѣ отъ этого переѣзда, что давала себѣ слово не возвращаться болѣе въ Италію и остаться навсегда въ Америкѣ, а между тѣмъ, не только вернулась на родину, но еще разъ поѣхала въ ту же Южную Америку весной 1886 года.

Вернувшись осенью изъ Америки, я получила цѣлый рядъ ангажементовъ для участія въ спектакляхъ со знаменитѣйшимъ теноромъ Гайяръ и пѣла съ нимъ «Фаворитку», «Гамлетъ», «Лукреціа Борджіа» и «Аиду».

Въ первый разъ я услыхала Гайяра на репетиціи оперы «Африканка»; артистъ пѣлъ въ полголоса и никакого впечатлѣнія на меня не сдѣлалъ. Но за то въ спектаклѣ оперы «Фаворитка» чудный пѣвецъ изу-

М. И. Фигнеръ въ роли «Валентины».
(Опера «Гугеноты» Мейербера).
2-й и 4-й актъ,

милъ меня и своей необычайной методой пѣнія и необыкновеннымъ артистическимъ исполненіемъ партіи.

Во время моего турнэ мой голосъ, повидимому, окончательно перешелъ въ драматическое сопрано, но я все еще продолжала пѣть мецсо-сопрановыя партіи, такъ какъ въ Италіи мецсо-сопранъ не было, а мои низкія ноты и медіумъ давали мнѣ эту возможность.

Когда же въ 1886 году я поѣхала вторично въ Южную Америку, то изъ мецсо-сопрановыхъ партій оставила за собой лишь «Аиду» (Амнерисъ) и «Фаворитку» и пѣла уже Валентину въ «Гугенотахъ» и «Маріонъ Делормъ». Моя вторичная поѣздка въ Америку была еще удачнѣе первой въ художественномъ отношеніи: я была артисткой въ модѣ, моимъ именемъ называли шалэ, духи, галстухи, его можно было видѣть вездѣ и всюду, я имѣла блестящій бенефисъ. Рецензіи американскихъ газетъ были полны самыми лестными обо мнѣ отзывами, и на этотъ разъ я побывала въ трехъ городахъ Южной Америки: Буэносъ-Айресъ, С.-Паоло и Ріо-Жанейро.

Не успѣла я вернуться и устроиться въ Миланѣ, взявъ тамъ квартиру, какъ была приглашена для «Фаворитки» въ Бергамо, близъ Милана, гдѣ я пѣла съ баритономъ Леономъ Джиральдони. Я ему довѣрчиво разсказала о моемъ рѣшеніи перейти изъ мецсо-сопрано въ сопрано; онъ прослушалъ меня, нашелъ у меня сопрано и посовѣтовалъ мнѣ, пріѣхавъ въ Миланъ, обратиться къ женѣ его, знаменитой Каролинѣ Ферни-Джиральдони (нынѣ профессоръ С.-Петербургской консерваторіи) и спросить ея мнѣнія.

Несмотря на то, что я уже сама была артистка съ именемъ, я все же была очень скромна и, съ удоволь-

ствіемъ послѣдовавъ совѣту Леона Джиральдони, явилась на судъ къ мадамъ Ферни.

Она приняла меня замѣчательно любезно, заставила много пѣть и еще разъ подтвердила мнѣніе своего мужа, что я драматическое сопрано съ меццо-сопрановыми низкими нотами. Теперь мнѣ оставалось открыто сдѣлать мой переходъ къ высокимъ сопрановымъ партіямъ, хотя миланская пресса была противъ этого, такъ какъ мною слишкомъ дорожили, какъ меццо-сопрано, а потому мнѣ пришлось просить выслушать меня на большомъ вечерѣ въ театрѣ «Scala».

Тамъ, въ присутствіи прессы, критики, импрессаріо и др. я пѣла «Marion Delorme» и дуэтъ съ басомъ изъ 3-го дѣйствія «Гуѓенотъ» и была, наконецъ, признана драматическимъ сопрано,—какъ ни жаль было Италіи разстаться со своимъ лучшимъ меццо-сопрано.

Въ Миланѣ я получила два большихъ ангажемента: въ Туринъ для «Моряка скитальца» Вагнера и въ Реджіо. Кромѣ того, послѣ Турина я должна была пѣть въ Моденѣ въ «Донъ-Карлосъ», приглашенная Риккорди, но захворала такимъ бронхитомъ, что должна была отказаться отъ ангажемента.

Поправившись, я пѣла въ Реджіо «Salvator Rosa» бразиліанца Гомесъ, опера, которую я выучила въ нѣсколько дней.

Но, какъ всегда, горе и радость идутъ рука объ руку и такъ было со мной. Время моихъ блестящихъ успѣховъ въ Туринѣ и Реджіо было для меня омрачено вѣстью о смерти моего дяди, лучшаго, искренняго моего друга, которому я обязана своей карьерой.

Съ 1887 года начинается новый періодъ моей артистической дѣятельности.

М. И. Фигнеръ въ роли «Валентины».
(Опера «Гугеноты» Мейербера).
4-й актъ.

Весною этого года въ Миланъ пріѣхалъ, бывшій тогда режиссеромъ Императорской С.-Петербургской Русской оперы, нынѣ покойный, Г. П. Кондратьевъ. Я была имъ ангажирована вмѣстѣ съ теноромъ Н. Н. Фигнеромъ на весенній сезонъ въ Императорскую оперу. Дебютъ мой состоялся 26-го апрѣля въ оперѣ «Гугеноты» въ партіи Валентины. Что было пережито мной на этомъ дебютѣ и передъ нимъ — двухъ разъ въ жизни не переживаютъ.

Мой партнеръ имѣлъ также большой успѣхъ.

Еще до моего дебюта я нѣсколько разъ слышала новую для меня русскую музыку въ оперѣ «Евгеній Онѣгинъ». Я была очарована изящнымъ благороднымъ стилемъ музыки и, конечно, далека отъ мысли, что именно эта опера будетъ первой русской оперой, которую мнѣ придется пѣть. Мысль о томъ, что я останусь въ Россіи и буду русской пѣвицей мнѣ и въ голову не приходила.

Непостижимая судьба сдѣлала милую Россію моей второй отчизной!

Смущало меня особенно то обстоятельство въ предстоящемъ дебютѣ, что мнѣ придется пѣть по итальянски съ русскими партнерами, языка которыхъ я не понимала и мысль о возможности гдѣ-нибудь спутаться, сбиться, не во время начать или замолчать приводила меня заранѣе въ содроганіе. Но Богъ не безъ милости.

Спектакль прошелъ съ прекраснымъ для насъ успѣхомъ и радушный, горячій пріемъ русской публики остался у меня въ памяти.

Несмотря на короткое пребываніе въ Петербургѣ я, тѣмъ не менѣе, пріобрѣла много знакомствъ. Ве-

ликіе Князья приглашали меня и Фигнера къ себѣ и одаривали насъ богатыми подарками. Не было времени скучать и этотъ маленькій сезонъ одно изъ самыхъ пріятныхъ моихъ воспоминаній. Не могу не отмѣтить въ высшей степени участливое отношеніе къ намъ товарищей-артистовъ оперы и чудеснаго дирижера Э. Ф. Направника.

Дирекція Театровъ предложила мнѣ и Фигнеру ангажементъ на большой зимній сезонъ; къ сожалѣнію, условія намъ не подходили и мы уѣхали на гастроли въ Лондонъ, въ театръ «Covent-Garden», не подписавъ контракта. Вскорѣ, однако, въ Лондонъ пришло телеграфное согласіе Дирекціи на наши условія и осенью 1887 года мы вернулись въ Петербургъ, чтобы здѣсь уже окончательно, какъ извѣстно, обосноваться.

И вотъ, слѣдовательно, съ осени 1887 года я начинаю свою русскую карьеру. Дорогое, невозвратное время, такъ быстро, кажется, умчавшееся въ вѣчность! Много въ немъ и радостей и горя.

Съ благодарностью въ душѣ и, можно сказать, съ восторгомъ вспоминаю я благороднѣйшаго изъ людей, съ которыми когда-либо приходилось мнѣ встрѣчаться въ жизни,—покойнаго Директора Театровъ Ивана Александровича Всеволожскаго. Кто изъ современныхъ ему сослуживцевъ забудетъ этотъ свѣтлый образъ гуманнаго человѣка, много знавшаго художника-артиста, желавшаго помочь артисту во всѣхъ тяжелыхъ случаяхъ нервной артистической карьеры, — вельможу, умѣвшаго понять сложную душу артиста?!

При немъ опера двинулась очень сильно впередъ, благодаря усердному желанію всѣхъ членовъ труппы работать, безъ страха за завтрашній день. При И. А.

М. И. Фигнеръ въ роли «Тоски».
(Опера «Тоска» Пуччини).

М. И. Фигнеръ въ роли «Мими».
(Опера «Богема» Пуччини).

Всеволожскомъ не было никакихъ и никогда недоразумѣній съ артистами, такъ какъ онъ былъ вельможа въ лучшемъ смыслѣ слова.

У меня сохраняется, какъ реликвія, подаренный мнѣ И. А. его портретъ съ очаровательной надписью по итальянски: «примите этотъ маленькій портретъ отъ большого Вашего почитателя».

Скромными строками моими я хотѣла выразить чувство глубокаго уваженія памяти незабвеннаго Директора.

Не буду останавливаться на каждомъ годѣ моей карьеры въ Россіи — она вся прошла на глазахъ дорогой мнѣ русской публики, отмѣчу только нѣкоторыя выдающіяся событія за мое двадцатипятилѣтнее пребываніе въ Маріинскомъ театрѣ.

Первые два года моей карьеры я пѣла по итальянски «Гугеноты», «Отелло», «Мефистофель» и «Джіоконду», первой же моей попыткой пѣть по-русски былъ небольшой дуэтъ въ оперѣ «Мефистофель» «далеко, далеко».

Публика, не ожидавшая этого дуэта на русскомъ языкѣ, сдѣлала послѣ него такую овацію, что это мнѣ дало силу и смѣлость приготовить цѣлую оперу и мой выборъ палъ на ту, которая на меня сразу произвела сильное впечатлѣніе и сдѣлалась одной изъ самыхъ любимыхъ моего репертуара,—«Евгеній Онѣгинъ».

Когда я приготовила партію Татьяны (я разучивала ее лѣтомъ въ Чернобіо съ капельмейстеромъ Тосканини, ни слова не понимавшимъ по - русски), я попросила покойнаго Петра Ильича Чайковскаго дать мнѣ указанія. Онъ нѣсколько разъ прослушалъ меня,

но не сдѣлалъ мнѣ никакихъ замѣчаній и, когда я отъ этого пришла въ отчаянье, сказалъ, что я именно та Татьяна, которую онъ всегда желалъ видѣть въ олицетвореніи артистки и что ему нечего мнѣ указать.

Тѣмъ не менѣе, выступая 17-го января 1889 года впервые въ партіи Татьяны, въ присутствіи Ихъ Императорскихъ Величествъ Государя и Государыни, я такъ волновалась, какъ никогда и ни въ одномъ спектаклѣ.

Успѣхъ превзошелъ мои ожиданія: я была позвана въ Царскую ложу и удостоена самаго милостиваго и ласковаго разговора Ихъ Величествъ; П. И. Чайковскій лично благодарилъ меня, а пресса дала на другой день самые лестные для меня отзывы.

Не съумѣю сказать, какую, полную сладкой тревоги, ночь провела я послѣ «Онѣгина»... впечатлѣніе, произведенное на меня милостью Государя и Императрицы, счастье, что я удостоилась говорить съ Ними,— все это неописуемо и останется навсегда однимъ изъ самыхъ свѣтлыхъ воспоминаній моей жизни.

Само русское общество помогало мнѣ въ моемъ желаніи скорѣе выучиться по-русски: такъ я помню, мой первый русскій дуэтъ для концерта, «Не искушай» Глинки, я выучила съ М-г Ушаковымъ, близко стоявшимъ ко двору Великаго Князя Владиміра Александровича, нашимъ большимъ другомъ.

Мои сценическіе успѣхи, особенно въ «Мефистофелѣ», оперѣ, которую такъ любилъ покойный Государь Александръ III, доставили мнѣ честь и удовольствіе заниматься уроками пѣнія съ графиней Богарнэ.

«Мефистофель» былъ въ то время самой популярной оперой.

М. И. Фигнеръ въ роли «Наташи».
(Опера «Опричникъ» П. И. Чайковскаго).

8-го февраля того же 1889 года состоялось мое бракосочетаніе съ Н. Н. Фигнеромъ, а, еще ранѣе, 28-го января, я перешла изъ римско-католическаго вѣроисповѣданія въ православное, желая быть одной религіи съ моимъ мужемъ и съ дѣтьми, если Богу будетъ угодно мнѣ ихъ послать.

Второй моей русской оперой была «Корделія» Соловьева; я пѣла ее по-русски черезъ годъ послѣ перваго спектакля «Онѣгина», а именно 16-го января 1890 года и очень любила ее, такъ какъ въ характерѣ музыки ея много итальянскаго, а также много сценическаго дѣйствія и интересныхъ драматическихъ положеній.

Лѣто 1890 года мы проводили у себя въ имѣніи «Лобынское» Тульской губерніи, гдѣ нѣкоторое время у насъ гостилъ П. И. Чайковскій и профессоръ московской консерваторіи Н. Д. Кашкинъ. Чайковскій на досугѣ проходилъ съ нами только что написанную оперу «Пиковая дама», такъ что на мою долю выпала честь быть первой исполнительницей—создательницей роли Лизы.

Наше имѣніе очень нравилось Чайковскому. Онъ проводилъ не мало времени на балконѣ, любуясь ширью полей и луговъ, разстилавшихся передъ домомъ; его прельщалъ этотъ просторъ, который для меня, какъ итальянки, былъ невыносимъ; я предпочитала мой паркъ съ его лужайками, группами деревьевъ, съ его уютностью.

Заниматься разучиваніемъ «Пиковой дамы» съ Петромъ Ильичомъ было для меня наслажденіе и могу сказать, что и онъ съ особымъ удовольствіемъ работалъ со мной и многое измѣнилъ въ партіи Лизы,

сообразно характеру и діапазону моего голоса. «Пиковая дама» является такимъ образомъ моимъ первымъ самостоятельнымъ созданіемъ.

5-го декабря 1890 года была ея генеральная репетиція въ Высочайшемъ присутствіи, а 7-го декабря первое представленіе.

Успѣхъ «Пиковой дамы» былъ громадный: биссировали дуэтъ съ Полиной, аріи, мою арію у канавки. Никогда не забуду впечатлѣнія, произведеннаго на меня въ роли старой графини М. А. Славиной.

Артисты, участвовавшіе въ оперномъ спектаклѣ, по окончаніи были позваны въ Царскую ложу и удостоены Царскаго спасибо.

Въ слѣдующемъ году моими новыми операми на русскомъ языкѣ являются: «Поэтъ» Кроткова, «Нижегородцы» Направника и «Фаустъ», а въ декабрѣ 1892 года «Іоланта» Чайковскаго, тоже исполненная мною первою.

Мнѣ говорили, что передача партіи слѣпой выходила у меня очень трогательно: можно было думать, что я въ жизни испытала это ужасное несчастіе, такъ естественна я была въ этой роли. Кромѣ меня первыми исполнителями оперы были Фигнеръ, Яковлевъ и Черновъ. Ко мнѣ замѣчательно симпатично относился и покойный Антонъ Григорьевичъ Рубинштейнъ, я тоже очень любила его, увлекалась его чарующей игрой, его мощнымъ талантомъ. Мнѣ не разъ пришлось участвовать съ нимъ въ концертахъ въ Петербургѣ и въ Одессѣ.

Въ 1893 году прибавились къ моему репертуару «Сельская честь», «Паяцы» и «Аида». Эту оперу я проходила съ одной изъ замѣчательныхъ артистокъ

М. И. Фигнеръ въ роли «Леоноры».
(Опера «Фаворитка» Доницетти)
3-й актъ.

и учительницѣ, г-жей Ферни Джиральдони, имѣющей большое заслуженное имя въ Италіи, и здѣсь въ Петербургѣ. Ей я обязана всѣми подробностями и тонкостями отдѣлки нѣсколькихъ партій и художественными совѣтами.

Лѣтомъ 1894 года состоялось бракосочетанія Великой Княжны Ксеніи Александровны съ Великимъ Княземъ Александромъ Михаиловичемъ. Мы съ семьей проводили лѣто въ Пельи, близъ Генуи, и были вызваны для параднаго спектакля въ Петергофъ. По желанію Государя, мы съ мужемъ должны были пѣть актъ изъ оперы «Ромео и Джульетта», которую я никогда не пѣла.

Это былъ годъ сильнѣйшей холерной эпидеміи въ Россіи и по дорогѣ моя старшая дѣвочка захворала холериной; ужасное было это путешествіе! Отъ всякой большой станціи до слѣдующей насъ провожалъ докторъ, вагонъ отцѣпляли и прицѣпляли къ поѣздамъ и, когда мы наконецъ пріѣхали, его дезинфицировали и насъ тоже.

Пріѣхавъ въ Петербургъ, мы отправились въ Павловскъ къ нашимъ друзьямъ Бильбасовымъ. Василій Алексѣевичъ Бильбасовъ, извѣстный историкъ, его жена и обѣ племянницы выказали намъ столько вниманія и ласки, что не только больной ребенокъ, но и остальные мои дѣти жили у нихъ и пользовались широкимъ комфортомъ и заботами. Да и не въ одномъ этомъ случаѣ, а во всѣ тяжелыя минуты моей жизни Бильбасовы согрѣвали и поддерживали меня, 6-го декабря 1894 г. я и мой мужъ Всемилостивѣйше удостоились получить званіе Солистовъ Его Величества.

Въ сезонѣ 1895 года, въ январѣ мѣсяцѣ была поставлена новая опера нашего любимаго и глубоко уважаемаго нами дирижера Эдуарда Францевича Направника «Дубровскій»; главная женская роль въ оперѣ была поручена мнѣ. За все это время я такъ привыкла къ Россіи, сжилась съ нею и изучила ея языкъ, что роль Маши была для меня понятна и легка, тѣмъ болѣе что я уже была знакома съ произведеніями русской литературы и съ Пушкинымъ, въ особенности. Партія мнѣ очень нравилась и я была счастлива, что опера имѣла большой и шумный успѣхъ.

Тотъ же 1895 годъ является для меня фатальнымъ годомъ, чуть не унесшимъ меня въ могилу. Въ то время у меня уже было трое дѣтей и я всегда чувствовала себя здоровой и полной жизни.

Въ августѣ у меня родился еще сынъ и послѣ его рожденія я такъ захворала, что боялись за мою жизнь. Заболѣла я въ деревнѣ, гдѣ лѣчиться было чрезвычайно трудно, а потому полумертвую привезли меня въ Петербургъ и съ Николаевскаго вокзала на носилкахъ Краснаго Креста перенесли на квартиру. Лучшіе профессора Бертенсонъ, Склифасовскій, Тарновскій, сдѣлали чудеса, чтобы меня спасти.

Во время этой болѣзни я еще глубже поняла, какъ тепло относится ко мнѣ русская публика: я видѣла столько участія, столько чувства и симпатіи, что еще болѣе привязалась къ Россіи. Сколько народу было на станціи, когда встрѣчали меня, несомую на носилкахъ, сколько плачущихъ лицъ... а какая масса вниманія, пока я лежала дома: мнѣ присылали образа, просфоры, цвѣты! Несмотря на опасность моей бо-

М. И. Фигнеръ въ роли «Леоноры». (Опера «Фаворитка» Доницетти) 4-й актъ.

лѣзни я съ терпѣніемъ и твердостью ее переносила, подбодряемая и согрѣтая этой общей симпатіей.

Лежа въ постели и проводя безсонные дни и ночи, я все время интересовалась тѣмъ, что дѣлается въ оперѣ и когда узнавала, что, вслѣдствіе моей болѣзни, какая-либо изъ любимѣйшихъ моихъ партій передавалась другой, я ревновала эти партіи, какъ свое любимое дитя и рвалась въ театръ, къ дорогому мнѣ дѣлу.

Лишь въ декабрѣ я могла снова взяться за работу, хотя и противъ желанія докторовъ, которые находили, что начинать пѣть мнѣ рано, но въ то же время не могли запретить мнѣ это, видя какъ я скучаю и томлюсь безъ дѣла.

Въ первый разъ послѣ болѣзни меня выпустили въ «Онѣгинѣ» и, когда я появилась въ началѣ картины на балконѣ, въ театрѣ раздался такой взрывъ апплодисментовъ, что я чувствовала, какъ судорога сжимаетъ мнѣ горло и сердце разрывается отъ благодарности.

Да, въ жизни артиста бываютъ такія минуты несказаннаго счастія, такіе моменты душевнаго подъема, что стоитъ для нихъ тратить свои нервы и переживать безсонныя ночи волненій и страха передъ выступленіемъ на сцену чуть ли не въ каждомъ спектаклѣ!

Въ маѣ 1896 года состоялась въ Москвѣ Коронація Ихъ Императорскихъ Величествъ и въ Большомъ театрѣ устраивались парадные спектакли, въ которыхъ мы съ мужемъ также участвовали, для чего и жили все время коронаціонныхъ торжествъ въ Москвѣ.

Въ ноябрѣ 1896 года впервые выступила я въ одной изъ любимѣйшихъ моихъ оперъ «Карменъ».

Надъ этой оперой поработала я не мало и скажу откровенно, продолжаю усердно работать надъ нею и теперь. Опера эта стала моей настольной книгой.

Критика упрекала меня въ томъ, что моя Карменъ слишкомъ изящна и послѣдніе года я болѣе выдвинула нѣкоторыя ея рѣзкія черты, но я всегда останусь при мнѣніи, что не изящной Карменъ не можетъ быть, отъ нея долженъ отдѣляться извѣстнаго рода «charme», иначе она не испанка, иначе она не пользовалась бы такимъ успѣхомъ у толпы.

Карменъ Бизе такъ обаятельна и такъ манитъ всѣмъ своимъ существомъ молодежь всѣхъ ранговъ, начиная отъ простыхъ фабричныхъ и кончая офицерами, что несомнѣнно въ ней есть нѣчто, что отличаетъ ее отъ остальныхъ сигарочницъ и это нѣчто, разумѣется, не бьющая въ глаза вульгарность.

Повторяю, во всѣхъ моихъ сужденіяхъ о Карменъ я руководствуюсь видѣнными мною типами настоящихъ цыганокъ-контрабандистокъ въ Испаніи. Я не хочу сказать, что толкованіе мое абсолютно безгрѣшно,—каждый можетъ передавать роль Карменъ по-своему и, вѣроятно, всякое новое исполненіе представитъ немалый интересъ.

Одна изъ захватившихъ меня оперъ слѣдующихъ сезоновъ—«Опричникъ» Чайковскаго. Музыка этой оперы, несмотря на черезчуръ критическое отношеніе къ ней самого композитора, трогаетъ во многихъ мѣстахъ до глубины души.

Очень и очень много работала я надъ партіей Мими въ оперѣ «Богема» Пуччини. «Богема» шла на сценѣ Маріинскаго театра въ 1900 году, я же ее проходила лѣтомъ 1899 года съ самимъ Пуччини, кото-

М. И. Фигнеръ въ роли «Леоноры».
(Опера «Фаворитка» Доницетти)
4-й актъ.

рый проживалъ недалеко отъ моей виллы, въ мѣстечкѣ Viareggio, въ своемъ имѣніи. Онъ почти черезъ день бывалъ на моей виллѣ «Медеа» и прошелъ со мной всю партію: должна сказать, что симпатичная роль Мими была у меня отдѣлана до мельчайшихъ подробностей; особенно удалась мнѣ сцена смерти. Знакомые врачи даже спрашивали меня, гдѣ я могла изучить смерть съ такими подробностями.

Но вотъ съ 1900 года я, бывшая всю жизнь итальянской пѣвицей, становлюсь пѣвицей Вагнеровской, и готовлю репертуаръ, о которомъ въ былое время и не помышляла, такъ чужда была мнѣ когда-то музыка великаго опернаго реформатора.

Первой оперой Вагнера, которую мнѣ пришлось пѣть, была «Валкирія». Это было время, когда публика, да я думаю и артисты, еще не понимали всей глубины и красоты музыки этой оперы.

Если бы я сказала, что опера эта сразу же сдѣлала на меня сильное впечатлѣніе, я бы сказала неправду. Тогда я, какъ и другіе, мало въ ней понимала...

Впослѣдствіи мои взгляды на музыку Вагнера совершенно измѣнились и въ настоящее время я считаю себя одной изъ партизанокъ великаго маэстро.

Нужно сказать, что въ томъ же году, кромѣ «Валкиріи», я пѣла также «Тангейзеръ» и «Лоэнгринъ», которые мнѣ были больше по душѣ и болѣе понятны, вѣроятно потому, что въ этихъ операхъ Вагнеръ еще не вполнѣ отрѣшился отъ итальянскаго стиля.

Я не музыкальный критикъ и познанія мои въ музыкѣ, можетъ быть, и не особенно сильны, но я чувствую, что лучшей оперой Вагнера слѣдуетъ на-

звать его романтическую оперу «Лоэнгринъ». Можно сказать, что «Лоэнгрина» писалъ великій геній!

Новостью сезона 1902 года была постановка оперы Э. К. Направника «Франческа-да-Римини». Опера была обставлена хорошими силами и имѣла у публики прекрасный успѣхъ, благодаря многимъ красивымъ мелодіямъ. Выдающимися по музыкѣ сценами моей роли я считаю сцену чтенія съ теноромъ въ бесѣдкѣ въ 3-мъ актѣ, въ высшей степени трогательный дуэтъ съ Лукреціей, замѣчательную молитву—дуэтъ съ теноромъ, и вообще весь послѣдній актъ.

Я вспоминаю съ громаднымъ удовольствіемъ мое участіе въ этой красивой оперѣ и не могу не выразить искренняго сожалѣнія, что опера эта теперь забыта и давно не видитъ свѣта рампы Маріинскаго театра, какъ впрочемъ и многія другія русскія оперы.

Въ началѣ 1903 года я получила предложеніе отправиться на зимній сезонъ въ Южную Америку для «Тоски», «Джіоконды» и «Мефистофеля».

Съ одной стороны, перспектива пѣть въ Америкѣ «Тоску», оперу, которую я такъ люблю, меня ужасно соблазняла, а съ другой стороны, горе оставить здѣсь семью, заставили меня, такъ сказать, испытать судьбу: я увѣдомила антрепризу, что поѣду въ Америку только тогда, когда импрессаріо прослушаетъ меня здѣсь, на мѣстѣ, въ Петербургѣ. Сдѣлала я это, увѣренная, что никто слушать меня сюда не поѣдетъ и, такимъ образомъ, не отказываясь совсѣмъ отъ ангажемента, я могла остаться въ Россіи со своей семьей.

Каково же было мое удивленіе, когда я получила телеграмму изъ Милана, что въ Петербургъ выѣзжа-

«Валкирія»
опера Вагнера.

«Зигфридъ»
опера Вагнера.

«Гибель боговъ»
опера Вагнера.

М. И. Фигнеръ въ роли «Брунгильды».

ютъ меня слушать импрессаріо Бонетти и агентъ д'Ормевиль.

Для того, чтобы дать имъ меня послушать, я просила Директора Императорскихъ театровъ Владиміра Аркадьевича Теляковскаго поставить «Гугеноты» съ моимъ участіемъ; онъ, какъ всегда, любезно вошелъ въ мое положеніе: 13-го феврали были даны «Гугеноты», а 14-го утромъ мой контрактъ въ Южную Америку былъ уже подписанъ.

До сихъ поръ, по условіямъ моего контракта, я должна была пѣть въ Маріинскомъ театрѣ съ 15-го сентября по первую недѣлю Великаго поста, а на Великій постъ я обыкновенно съ мужемъ уѣзжала куда-либо на гастроли изъ Петербурга и, такимъ образомъ, мы изъѣздили всю Россію; моими любимыми городами были Кіевъ и Одесса; весной 1903 года мы были ангажированы въ Одесскій городской театръ, гдѣ передъ отъѣздомъ въ Америку я имѣла особенно шумный успѣхъ.

Спектакли эти были послѣдними, спѣтыми «четой» Фигнеръ; уѣзжая изъ Одессы въ Петербургъ, я не думала, что мы послѣдній разъ поемъ вмѣстѣ и что я, одна начавшая свою карьеру, одна и кончу ее.

Я уѣхала изъ Петербурга 1-го апрѣля въ Геную, гдѣ собиралась вся наша труппа и откуда на громадномъ океанскомъ пароходѣ «Venezuela» мы должны были отправиться въ Америку.

Какъ печаленъ былъ мой отъѣздъ! всѣхъ артистовъ провожали жены, мужья, родные, знакомые, я же уѣзжала совершенно одинокая, никто не сказалъ мнѣ прощальнаго привѣта, только меня подбодрили многочисленныя телеграммы изъ Россіи отъ моихъ

дѣтей и многихъ друзей, посланныя мнѣ прямо на пароходъ въ Геную, въ которыхъ находились самыя горячія пожеланія мнѣ счастливаго путешествія и успѣховъ.

Переѣздъ и въ этотъ разъ былъ очень бурный, мы шли 24 дня, качка была неописуемая; со мной была моя русская горничная, которая, къ счастью, не страдала нисколько во время бурь и могла за мной ухаживать. Мы уже выѣхали въ дурную погоду изъ Генуи, а за два дня до Монтевидео задулъ такой «pampero», что не только меня, но и такихъ колоссовъ, какъ Карузо и Аримонди, закачало.

По пріѣздѣ въ Буэносъ-Айресъ, я остановилась въ Splendid-hotel и съ трепетомъ ждала перваго спектакля, который вмѣстѣ съ тѣмъ былъ и открытіемъ большого зимняго сезона.

Шла «Тоска», опера, которую я тоже проходила съ самимъ Пуччини и еще до Америки пѣла ее въ итальянской оперѣ въ Петербургѣ.

Открытіе сезона было спектаклемъ gala!

Театръ былъ переполненъ публикой, несмотря на огромныя цѣны, въ партерѣ, въ ложахъ, всѣ во фракахъ, дамы декольтэ. Первый актъ прошелъ холодно, публика выжидала, очевидно, дальнѣйшихъ актовъ; во второмъ дѣйствіи послѣ извѣстной аріи «Тоски» «Vissi d'arte, vissi d'amore» раздался взрывъ апплодисментовъ, арію пришлось повторить и актъ кончился съ большимъ успѣхомъ. Ясно было, что публика, какъ говорится, разогрѣлась.

Послѣ «Тоски» отзывы музыкальныхъ критиковъ были самые блестящіе, причемъ вспоминали меня, какъ старую знакомую, бывшую здѣсь, въ Америкѣ,

едва вышедшей изъ подростковъ, а теперь пріѣхавшую законченной, созрѣвшей артисткой, сразу завоевавшей симпатіи строгой аргентинской публики. Кромѣ «Тоски» я пѣла съ тѣмъ же успѣхомъ «Джіоконду» и «Мефистофеля».

Не могу не упомянуть о томъ, что дирижеромъ въ этомъ сезонѣ былъ одинъ изъ величайшихъ итальянскихъ капельмейстеровъ Артуръ Тосканини.

Въ этомъ же сезонѣ меня постигла большая непріятность, а именно,—я захворала разлитіемъ желчи и недѣли три была сильно больна, одна, вдали отъ родного дома.

Это для меня было тѣмъ болѣе печально, что я была единственнымъ драматическимъ сопрано въ труппѣ, такъ какъ, ангажированная кромѣ меня сопрано Сторкіо, по болѣзни не пріѣхала; мнѣ бы пришлось нести репертуаръ одной, а въ виду моей болѣзни пригласили d'Арклэ и въ матеріальномъ отношеніи я понесла большіе убытки.

Во время моей болѣзни я выучила новую, еще никогда не шедшую въ Америкѣ оперу «Adriana Lecouvreur» Cilea, въ которой я выступила на сценѣ театра Colon, какъ создательница роли Adriana, которую до меня здѣсь никто не пѣлъ. Безъ хвастовства скажу, что американская публика всюду одаривала меня и своею благосклонностью и роскошными подарками.

Послѣ Буэносъ-Айреса мы переѣхали въ Монтевидео, гдѣ и былъ законченъ нашъ сезонъ.

Возвращаясь изъ Америки, я на нѣсколько дней остановилась въ Миланѣ и здѣсь получила нѣсколько лестныхъ для меня предложеній-ангажементовъ въ

итальянскіе города, но я стремилась скорѣй домой, въ Россію, къ моей публикѣ, друзьямъ, къ моимъ дѣтямъ, хотя и была за нихъ спокойна, зная, что они остались около ихъ бабушки, матери мужа, въ лицѣ которой я нашла себѣ вторую мать и память о которой для меня останется святой.

Думала ли я, что вернусь и найду ее уже не встававшей съ постели и что въ ноябрѣ потеряю ее?! Вообще, невеселая была моя жизнь по возвращеніи изъ Америки, такъ какъ всѣ мои четверо дѣтей были всю зиму больны, старшая дочь была при смерти съ воспаленіемъ легкихъ, а тутъ еще смерть моей второй матери... тяжелъ былъ для меня сезонъ 1903—1904 года!

Въ январѣ 1905 года, во время русско-японской войны, я дала въ Москвѣ концертъ въ пользу Кремлевскаго Склада Ея Императорскаго Высочества Великой Княгини Елисаветы Ѳеодоровны въ присутствіи самой Великой Княгини, и на другой день была милостиво принята Ею во дворцѣ въ Нескучномъ, гдѣ получила личную благодарность Ея Высочества, а 24-го апрѣля того же года мой концертъ въ Петербургѣ я дала въ залѣ арміи и флота въ пользу складовъ Ихъ Императорскихъ Величествъ Государынь Императрицъ на нужды больныхъ и раненыхъ воиновъ на Дальнемъ Востокѣ и 26-го апрѣля была удостоена пріема у обѣихъ Императрицъ, поднесла Ихъ Величествамъ для воиновъ весь чистый сборъ съ концерта и была осчастливлена высокой честью получить Всемилостивѣйшую личную благодарность за мое скромное пожертвованіе. Великой наградой за мои труды была для меня аудіенція у обожаемыхъ Монархинь.

Медея Фигнеръ съ дѣтьми.

Въ 1906 году я пѣла первый разъ роль Донны-Анны, въ «Донъ-Жуанѣ» Моцарта, 18-го января въ день 150-лѣтія рожденія Моцарта. Въ томъ же сезонѣ прибавилась въ моемъ репертуарѣ роль «Поппеи» въ «Неронѣ» Рубинштейна и Горислава въ «Русланѣ и Людмилѣ».

9-го февраля 1907 года состоялось неоффиціальное чествованіе моей двадцатилѣтней дѣятельности на Маріинской сценѣ: дали «Гугеноты», какъ оперу, въ которой я дебютировала, разница была въ томъ, что тогда я ее пѣла по-итальянски, теперь же по-русски.

Послѣ 3-го дѣйствія мнѣ устроили шумную овацію, я получила массу драгоцѣнныхъ подношеній, адресовъ и цѣлый лѣсъ цвѣтовъ искусственныхъ и живыхъ. Послѣ чествованія публикой въ фойе для артистовъ меня привѣтствовали мои товарищи по сценѣ, что меня сильно растрогало.

Постомъ того же года я уѣзжала на гастроли на Кавказъ, въ Баку и Тифлисъ.

Первые мои спектакли состоялись въ Баку въ циркѣ, такъ какъ городской театръ былъ малъ для большого количества желающей попасть въ оперу публики.

Мой выходъ былъ въ «Карменъ» и на этомъ же спектаклѣ произошло замѣшательство въ публикѣ, вслѣдствіе котораго спектакль на время пріостановился. Дѣло въ томъ, что въ верхнія мѣста набралось много безбилетной публики, что и произвело свалку между той публикой и служащими театра, но вскорѣ все разъяснилось и спектакль благополучно дошелъ до конца.

Вторую половину поста я пѣла въ Тифлисѣ и была въ восторгѣ отъ этого города, заключеннаго въ дикихъ Кавказскихъ горахъ, съ его неровными, то повышающимися, то понижающимися улицами. Особенно, конечно, интересна азіатская часть города; я его осмотрѣла почти весь, ѣздила съ компаніей въ Духаны, гдѣ около ресторана сидитъ, вмѣсто цѣпной собаки, у будки медвѣдь, гдѣ встрѣчаются надписи вродѣ «свѣжій риби навсегда» и гдѣ можно залюбоваться смѣлой лезгинкой и заслушаться зурны.

На моихъ спектакляхъ присутствовали Намѣстникъ Кавказа графъ Воронцовъ-Дашковъ съ супругой, что придавало театру особенно праздничный видъ; вообще они были очень милы ко мнѣ, я бывала у нихъ и была замѣчательно радушно принята ими.

Это былъ послѣдній постъ, въ который Дирекція дала мнѣ отпускъ. Со слѣдующаго года Дирекція рѣшила ставить Великимъ постомъ Вагнеровскій циклъ.

Мнѣ было предложено передвинуть мои спектакли на первое ноября, но зато пѣть въ посту Вагнера.

Чтобы изучить оперы Вагнеровскаго цикла, я лѣтомъ и осенью побывала въ Байретѣ, Дрезденѣ и Мюнхенѣ; въ послѣднемъ городѣ проходила съ репетиторомъ королевской оперы партію Брунгильды въ «Валкиріи» и въ «Гибели боговъ» и въ посту пѣла эти оперы на нашей сценѣ, причемъ мнѣ было пріятно видѣть, что труды мои не пропали даромъ и что мои успѣхи въ изображеніи неземныхъ героевъ Вагнера были замѣчены публикой и музыкальными критиками.

24-го апрѣля того же 1908 года я имѣла счастье участвовать въ концертѣ въ большомъ Царскосель-

Солистка Его Величества Медея Фигнеръ
(снимокъ декабря 1911).

скомъ Дворцѣ, устроенномъ въ честь бракосочетанія Великой Княжны Маріи Павловны съ Принцемъ Вильгельмомъ Шведскимъ.

Въ маѣ же я уѣхала въ Берлинъ, на пять спектаклей русской оперы въ театрѣ Кроль.

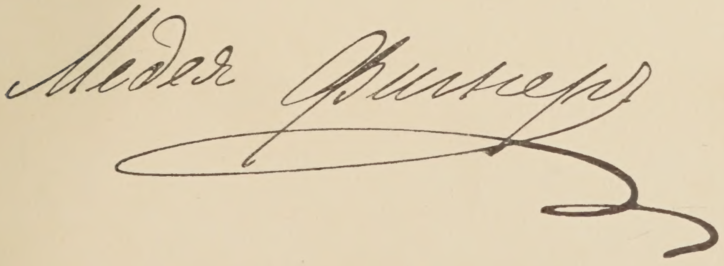
Несмотря на то, что берлинскія газеты восторженно отозвались о нашей оперѣ, я нахожу, что она должна была бы имѣть еще большій успѣхъ, такъ какъ безусловно исполнителями были первыя силы, но дѣло было неумѣло поставлено. Болѣе всего понравилась «Пиковая дама», уже знакомая нѣмцамъ, такъ какъ ставилась въ большомъ королевскомъ театрѣ, переведенная на нѣмецкій языкъ.

Слѣдующіе 1909—1910 и 1911 года не принесли для меня ничего новаго и интереснаго. Только на Пасхѣ 1910 года я два раза пѣла «Фаворитку» по итальянски въ консерваторіи съ Баттистини, такъ что вспомнила мои первые шаги въ этой оперѣ.

И вотъ я — передъ 20-мъ января 1912 года, однимъ изъ послѣднихъ дней выступленія передъ Петербургской публикой, на сценѣ Маріинскаго театра.

Сердце мое полно тоски отъ предстоящей разлуки, но и глубочайшей благодарности за все то участіе и любовь, которыми я неизмѣнно пользовалась всѣ 25 лѣтъ моей Петербургской артистической карьеры.

Спасибо, спасибо, спасибо всѣмъ моимъ дорогимъ друзьямъ! Нѣжную память о нихъ я сохраню до конца моей жизни!...



P. S. Кромѣ званія Солистки Его Величества я имѣю еще двѣ большія золотыя медали на Станиславской и на Александро-Невской лентахъ, знакъ Императрицы Александры Ѳеодоровны, Крестъ Человѣколюбиваго Общества, нѣсколько Царскихъ подарковъ и нѣсколько иностранныхъ медалей.

40 -

Л
КЛВ

Цѣна 2 рубля.